

Сурова Альбина Борисовна

ФРЕЙД И РОЗАНОВ: ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ

В данной статье анализируются теория Эроса и Танатоса, ставшая ключевой в поздней психоаналитической концепции З. Фрейда, и метафизика рождения в учении В. В. Розанова. Описываются основные концепты этих двух учений, в том числе в историко-философском контексте, выявляются их сходства и различия. Исследуются генезис и основное содержание понятий Эроса, Танатоса, метафизики пола и рождения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1

Философские науки

В данной статье анализируются теория Эроса и Танатоса, ставшая ключевой в поздней психоаналитической концепции З. Фрейда, и метафизика рождения в учении В. В. Розанова. Описываются основные концепты этих двух учений, в том числе в историко-философском контексте, выявляются их сходства и различия. Исследуются генезис и основное содержание понятий Эроса, Танатоса, метафизики пола и рождения.

Ключевые слова и фразы: метафизика пола и брака; таинство рождения; «сексуальность – рождение – бессмертие»; Эрос; Танатос.

Сулова Альбина Борисовна

*Российский государственный гуманитарный университет
nezabvennay@mail.ru*

ФРЕЙД И РОЗАНОВ: ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ[©]

Что такое смерть? Существует ли бессмертие? – вопросы, которые задает себе практически любой человек. Философы на эти вопросы пытаются ответить. Так или иначе, осмысление проблемы смерти, а также проблемы бессмертия становится основой многих философских концепций, в том числе концепций Розанова и Фрейда.

Еще один вопиющий вопрос – что такое любовь. Многие мыслители рассматривали понятие любви как диаметрально противоположное понятию смерти, понимая любовь как способ ее преодоления.

Для Розанова центральной философской категорией, разъясняющей понятия любви и бессмертия, становится *рождение*. Заметим, что в русской платонической традиции рождение являлось условием смерти. И потому рождение, как следовало из концепций Соловьева и Бердяева, надлежит преодолеть, также как и сексуальность – иллюзию полноты полов, приводящей не к половому слиянию, а к разрыву.

Мир природной необходимости, согласно бердяевской концепции, хаотичный и разорванный. Человек, пребывающий в нем, одинок. И сексуальное влечение – не что иное, как выражение его одиночества и желания восстановить нарушенную целостность. Однако на природном уровне, как утверждает Бердяев, целостность не восстановима. Сексуальность – рождение – смерть – замкнутый круг, дурная бесконечность. Обретение бессмертия – выход за пределы этого круга. А разорвать порочный круг можно только с помощью Эроса – половой, а не сексуальной любви, приводящей к единению личностей в Боге.

Концепция Розанова – совершенно иной взгляд на проблему преодоления смерти. Основой розановской метафизики также является любовь, но это не асексуальная любовь-Эрос. В любви, считает философ, сосредоточены различные возможности отношений с другим человеком. Телесные отношения – одна из таких возможностей. Познание Другого – это в том числе познание его тела. Сексуальное влечение – наивысшее проявление любви. Зарождение новой жизни – доказательство бытия Бога, а не звено в цепи физиологических явлений. Ведь зачатие, с точки зрения философа, – мистический акт. Телесное единение мужчины и женщины приводит к появлению в мире человеческой души, которая оказывается способной страдать и плакать, думать, задавать вопросы, искать на них ответы, любить и понимать других и, в свою очередь, зарождать новые жизни. Согласно Розанову, рождение – вовсе не следствие испорченной природы человека (как полагали приверженцы платонической традиции осмысления проблемы пола), а, напротив, – выход за пределы физиологии, трансценденция. В этом и заключается религиозное значение брака в метафизике Розанова.

Поэтому столь велика неприязнь философа к брачному аскетизму. Смысл человека как полового и религиозного существа в концепции Розанова (понятия пола и религиозности, как мы помним, проясняют и дополняют друг друга) – в брачном, телесном единении, в рождении личностей, а не в воздержании. Если в ранних текстах философ был еще довольно-таки толерантен по отношению к аскетизму, то в дальнейшем его взгляды на природу аскетизма сделались куда более категоричными. Розановская критика тех или иных проявлений аскетизма достигла апогея в таких его работах как «Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы)» [2] и «В темных религиозных лучах» [4]. Например, философ пишет: «Скопчество поэтому есть отрицание всего священного; это есть другой полис не только христианства, но и всех религий» [2, с. 331]. Говоря «поэтому», философ имеет в виду отказ от брачной жизни и деторождения. В другом же тексте Розанова примечательны следующие строки: «Очевидно отсюда, какой метафизический и божеский смысл влить в размножение; аскеты – воистину пошлые аскеты, – так же мало в нем понимающие, как они не знают астрономии и течения звезд, не только говорят позорную дурь со своим противодействием ему, но еще и творят великий и страшный грех, отвергая Божеский Промысел, перепутывая планы творения, отрицают Бога, противятся Богу» [4, с. 292]. Иначе говоря, философ полагал, что так называемые русские мистические секты, культивирующие аскетизм (и в первую очередь половой), мистическими и религиозными вовсе не являются. Более того, они враждебны, по мнению Розанова, истинной религии – «религии пола».

Исследуя тему хлыстовства и скопчества, Розанов обращает наше внимание на онтологическое значение брака: «Брак есть не только таинство, но величайшее из таинств. Рожаясь, умирая и, наконец, вступая

в брачную, то есть глубочайшую связь с человеком и человечеством, каждый из нас подходит к краю индивидуального бытия своего, он стоит на берегу неисследимых оснований личного своего существования, понятия которых никогда не может» [2, с. 331].

Онтологическая константа брака, с точки зрения Розанова, была забыта и утрачена. Христианская идеология страдания и аскетизма как высших форм проявления божественного духа сформировала в культурном сознании восприятие телесности как греха. И Розанов пытается осуществить деконструкцию христианской идеологии, изменяя значения понятий и задавая контекст новой антропологии. Свят, таким образом, не монах-отшельник, отделившийся от «земной жизни», а любящий муж, заботящийся о своей семье. Параллелизм любви и сексуальности в метафизике Розанова очевиден. Концепт святости рождения приобретает устойчивую форму. Рождение становится выражением понятия бессмертия.

Однако хотя понятие бессмертия легло в основу розановской метафизики, его коннотация запрятана философом более чем глубоко. (Розанов вообще мало рассуждает о смерти и ее преодолении.) Обратимся, например, к таким его словам: «Смерть есть не смерть окончательная, а только способ обновления: ведь в детях в точности я живу, в них живет моя кровь и тело, и, следовательно, я не умираю вовсе, а умирает только мое сегодняшнее имя. Тело же и кровь продолжают жить; и в детях – снова, и затем опять в детях – вечно! Только бы, значит, —рждалось», и —яникогда не умру» [4, с. 287]. Высказывание, содержащее более одного значения. Только ли о бессмертии человеческого рода мыслитель ведет речь?

Если вспомнить, в розановской концепции устранен антагонизм души и тела. Между ними существует онтологическая связь. По сути, ее-то Розанов и именуется «пол». Можно предположить, что Розанов, говоря о новой жизни тела, подразумевает и новую жизнь души, неразрывно связанной с телом. Почему бы не взглянуть на розановскую метафизику, как на своеобразную интерпретацию идеи реинкарнации? «Я не умираю вовсе, а умирает только мое сегодняшнее имя...» [Там же]. Во всяком случае, неясность природы смерти и бессмертия в концепции Розанова открывает простор для воображения интерпретатора... «Точно —нимаются сапоги», — придумывает метафору философ, — «дни сапоги», — «другие сапоги...» а —адит в них — один...» [Там же]. Может быть, именно потому Розанов наделил религиозным смыслом «рождение», что ему на интуитивном уровне была близка идея перевоплощения? Христианские мотивы в творчестве Розанова вовсе ей не противоречат. Можно вспомнить, что некоторые раннехристианские концепции включали в себя идею реинкарнации. Например, идея реинкарнации содержалась в учениях Оригена, Климента Александрийского. (На V Вселенском соборе в 553 году концепция реинкарнации была отвергнута.)

«Смерть — так же метафизична, как зачатие», — говорит философ [5, с. 492]. В чем же тогда сверхъестественность смерти для Розанова, если она не является переходом, не открывает посмертного путешествия? Не оттого ли философ называет смерть «тайной», что за ней открывается НЕЧТО? Возможно, что «бессмертие» в метафизике Розанова следует рассматривать в более широком контексте, нежели контексте «бессмертия рода».

Однако и идея бессмертия рода небезынтересна. Ее можно считать своего рода попыткой преодоления «эго-стремлений» в духе буддизма, а также неизвестности посмертного существования. Это бессмертие, с одной стороны, — «здесь» и «сейчас», с другой — «навсегда»: надличностное бессмертие, заполняющее пустоту в вечности жизнью человеческого рода на земле.

Проблема смерти привлекала внимание и основателя психоанализа. Например, он рассматривает этот вопрос в работе «Мы и смерть» [7]. В данном тексте мыслитель выдвигает идею конфликта двух человеческих устремлений: устремления признать смерть уничтожением, с одной стороны, с другой — устремления отрицать ее существование. Конфликт, по мнению Фрейда, основан на несовпадении бессознательного и сознательного содержания психики. Отрицание существования смерти, как считает мыслитель, имеет бессознательную природу: «Бессознательное в нас не верит в собственную смерть» [Там же, с. 21].

Однако в дальнейшем Фрейд вводит в свою концепцию идею влечения к смерти [8]. Открытие этого влечения принадлежало, как известно, не Фрейду, а русскому психоаналитику Сабине Шпильрейн. В 1911 году на заседании Венского психоаналитического общества С. Шпильрейн выступила с докладом, в котором шла речь о влечении к смерти как неотъемлемой сущности влечения к жизни. В 1912 году была опубликована статья Шпильрейн на ту же тему — «Деструкция как причина становления и бытия» [10]. Шпильрейн полагала, что разрушение является неотторжимой частью созидания. В этом смысле влечение к жизни содержит в себе и влечение к смерти. Инстинкт продолжения рода, считала Шпильрейн, амбивалентен: создание нового требует и разрушения старого.

Первоначально основатель психоанализа воспринял идеи Шпильрейн критически. Позднее Фрейд сам признает наличие в человеке деструктивного влечения, или влечения к смерти: в 1920 г. на свет появляется теория Эроса и Танатоса. Следует отметить, что данная теория наделала немало шума в психоаналитической среде: многие последователи Фрейда оказались в недоумении и замешательстве. Однако же и сторонников она завоевала немало. Известно, что, например, в России в 20-е годы эта теория среди приверженцев психоанализа была довольно-таки популярна.

Термин «Танатос» впервые был использован учеником и последователем Фрейда, австрийским психоаналитиком В. Штекелем в качестве обобщающего наименования деструктивных тенденций. Сам же Фрейд, прибегая к данному термину в процессе дискуссий, в своих работах никогда его не употреблял. Однако «влечение к смерти» становится одним из основных понятий так называемого метапсихологического периода в творчестве Фрейда.

Как мы помним, в своих ранних работах Фрейд развивал идею конфликта Я и либидо. Собственно, для психоанализа эта идея являлась базисной — во-первых, она выполняла функцию причинности психических

заболеваний, во-вторых, – узаконивала психоаналитические методы их исцеления. В работе же «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд существенно расширяет сферу конфликта, обращаясь к рассмотрению дихотомии Эроса и Танатоса, влечений к жизни и влечений к смерти.

Так что же такое Эрос? По этому поводу Фрейд замечает следующее: «...Сексуальное влечение превратилось в Эрос, который старается привести друг к другу части живой субстанции и держать их вместе» [8, с. 422]. Иными словами, Эрос – «эволюционировавшее» либидо, основной целью которого становится интеграция, единение. Сексуальное влечение, таким образом, – лишь аспект Эроса, так же, как и влечение к самосохранению. Таким образом, Фрейд перестает считать эти влечения противоположностями. Концепт конфликта Я и либидо «умирает». Фрейд пишет: «Тем более мы должны теперь подчеркнуть либидозный характер влечений к самосохранению, ибо мы решаемся сделать следующий шаг, а именно – признать сексуальные влечения как Эрос, сохраняющий все, и вывести нарцисстическое либидо Я из частичек либидо, которыми связаны друг с другом соматические клетки» [Там же, с. 416].

Противоположностью Эроса выступает Танатос, влечение к смерти, и его цель – разрушение, приведение живого, как утверждает Фрейд, к неорганическому состоянию. Насколько далеко простирается власть Эроса? Настолько, насколько позволяет власть Танатоса. Два полюса – интеграция и дезинтеграция, слияние и разрыв, Жизнь и Смерть, Добро и Зло – в конечном счете. Пожалуй, можно сказать, что Фрейд пытается научно «построить» метафизическую основу мира: а это два дуалистических начала – Эрос и Танатос и их непрерывная борьба. Перед нами научная интерпретация манихейства.

По существу, на вопрос «можно ли победить агрессию?» Фрейд отвечает «нет». Психоанализ в лице Фрейда инкорпорирует «зло» в природу человека. «Согласно этой точке зрения, психика не только управляется низкими инстинктами, но и содержит стремление к разрушению как необходимый и внутренне присутствующий ей элемент», – замечает С. Гроф [1, с. 167].

В чем же тогда заключается смысл существования человека в мире? К сожалению, в психоаналитической концепции, выстроенной Фрейдом, человеческое существование бессмысленно.

Человек оказывается своего рода механизмом, заведенным Танатосом, механизмом, который рано или поздно по мановению руки Смерти прекратит свою работу. Хотя целью Эроса в концепции Фрейда и является создание и сохранение жизни, опять-таки из фрейдовской парадигмы следует, что шансы Эроса не слишком велики, и гармония так и не будет достигнута. Ведь согласно такой концепции, Танатос будет перманентно подчинять себе Эрос. Фрейд разделил их вместо того, чтобы сказать, что они суть Одно.

С одной стороны, конфликт между Эросом и Танатосом служит основой развития человеческой культуры, с другой же, – любой индивид обречен лишь на «служение» Танатосу и в конце концов на гибель. А смерть, согласно Фрейду, – это конец, а не переход. Иными словами, человеку доступны лишь патология, тщетная борьба с ней и в итоге смерть, в то время как свобода, бессмертие и совершенствование – нет. Да и борьба, по большому счету, не имеет ни малейшего смысла. Человеку, исходя из фрейдовской концепции, не за что и не для чего бороться. Интересным представляется то, что Эрос в учении Фрейда отчасти напоминает «сексуальность – рождение – бессмертие» в концепции Розанова. Отчасти – в связи с тем, что философ-мистик Розанов истолковывает «сексуальность» как пульсацию бытия, рождение и умирание как событие, а смерть как небытие. Можно сказать, его метафизика пола расцветает на одной из самых известных философских «формул»: «бытие есть, небытия нет». В нашей интерпретации формула Розанова прозвучала бы так: рождение и умирание есть, смерти нет.

Фрейд же, хотя и встал на путь построения некоей метафизики, тем не менее, во многом остался верен научному позитивистскому мышлению. Рассуждая об Эросе и Танатосе, Фрейд использует сугубо естественно-научные термины. В общем-то, он и не скрывает, а, скорее, даже подчеркивает, что вынужден «одалживаться у биологии» [8, с. 422]. Фактически, ради языковой и научной «точности» Фрейд «жертвует» идеей. Розанов же, в отличие от Фрейда, не страшится алогизмов. Конечно, Фрейд видит в Эросе волю к жизни и даже хотел бы видеть волю к вечной жизни (идея размножения), что как раз и сближает его концепцию с воззрениями Розанова, однако замечает, что «целью всякой жизни является смерть» [Там же]. Для Розанова же целью всякой жизни является бессмертие.

Следует отметить, что философский и духовный аспекты умирания ни Розановым, ни Фрейдом не рассматривались. Ранее уже говорилось, что Розанов именовал смерть «тайной» и признавал в ней метафизическое событие. Более того, философ интуитивно проводил параллель между рождением и умиранием, однако рассуждений на эту тему избегал. В то время как почитатель биологии Фрейд отождествлял, на наш взгляд, смерть и умирание и понимал их исключительно в контексте гибели мозга (и сознание как производную мозга), существенно ограничивая и упрощая тем самым психоаналитическую модель, лишая ее применимости ко многим сферам бытия. «Ориентация на биологические факторы помешала ему увидеть возможность психологической трансценденции смерти, и он создал мрачный, пессимистический образ человеческого существования», – написал о Фрейде С. Гроф [1, с. 167].

Список литературы

1. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 2005.
2. Розанов В. В. Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы) // Розанов В. В. Собрание сочинений. М., 2002. Т. 14. Возрождающийся Египет.
3. Розанов В. В. Смысл аскетизма // Розанов В. В. Сочинения: в 2-х т. М., 1990. Т. 2.

4. Розанов В. В. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 3. В темных религиозных лучах.
5. Розанов В. В. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 5. Около церковных стен.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции 16-35. СПб., 2000.
7. Фрейд З. Мы и смерть. СПб., 1994.
8. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений. М., 1989.
9. Фромм Э. Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты // Зарубежный психоанализ. СПб., 2001.
10. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. № 4.

FREUD AND ROZANOV: PROBLEMS OF DEATH AND IMMORTALITY

Surova Al'bina Borisovna

Russian State University for the Humanities

nezabvennay@mail.ru

The author analyzes the theory of Eros and Thanatos, which became the key one in late Freud's psychoanalytic conception, and the metaphysics of birth in V. V. Rozanov's doctrine, describes the basic conceptions of these two doctrines, including historical-philosophical context, reveals their similarities and differences, and studies the genesis and main content of the notions of Eros, Thanatos, the metaphysics of sex and birth.

Key words and phrases: metaphysics of sex and marriage; mystery of birth; "sexuality – birth – immortality"; Eros; Thanatos.

УДК [34:008+070.11](045)

Политология

В статье выявляется тип (модель) политической и правовой культуры российского общества, оценивается уровень ее развития. Доказывается, что журналистика участвует в формировании гражданской политической культуры; чтобы развивать гражданское самосознание массовой аудитории, участвовать в правовом воспитании граждан, СМИ должны стать независимыми. Автор приходит к выводу о том, что существует взаимодействие и взаимовлияние между правовой и гражданской культурой современного демократического общества и журналистикой.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; правовая культура; журналистика; гражданская культура; средства массовой информации; государственная информационная политика.

Третьякова Ольга Владимировна, к. полит. н., доцент

Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова

olga.tretyakova.345@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА И ЖУРНАЛИСТИКА®

Политическая и правовая культура имеют определенные общие грани, так как, во-первых, деятельность государства и субъектов политики выходит в сферу правовых отношений, и принимать политические решения без правовой культуры невозможно. Во-вторых, тесная связь права с политической системой обуславливает связь правовой идеологии с господствующей в обществе политической культурой. Государственно-правовая идеология является фундаментальным условием развития правовой культуры, служит целевой установкой текущего правового строительства, что наиболее актуально для современного общества. И в-третьих, такие общечеловеческие ценности, как права и свободы человека и гражданина, заложены в основу и политической культуры, и правовой. Реализация прав и свобод человека – катализатор развития демократии, правового государства и гражданского общества, поэтому политическую и правовую культуру можно считать и гражданской характеристикой человека и общества.

Для того чтобы проанализировать роль в развитии гражданственности такого идеологического института, как журналистика, необходимо определить тип (модель) политической и правовой культуры российского общества, рассмотреть их современное состояние. Существуют общие критерии типологизации политической культуры, заданные, в частности, спецификой культурно-цивилизационного устройства Востока и Запада [3, с. 110], ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире политических культур. Сравнительный анализ основных принципов политической жизни на Востоке и на Западе особенно актуален для Российской Федерации как полиэтничного государства, находящегося на перекрестке миров Востока и Запада, Севера и Юга [5, с. 2]. Правовая культура западного типа соответствует, на наш взгляд, политической культуре западноевропейского типа, предполагающей обязательное участие граждан в решении общих вопросов, гражданский суверенитет личности, религиозные ценности христианства,